

СУБЪЕКТ 734-В

Мия Стоун

Мия Стоун

СУБЪЕКТ 734-В

<https://litres.ru/74220612>

SelfPub; 2026

Аннотация

2026 год. Корпорация Mnemosyne «оптимизирует» память и чувства. Айше Вейн — архитектор цифровых городов спорит с кофемашиной, калибрует настроение и не помнит, зачем держит старый латунный компас.

Всё меняется, когда в её архиве всплывает пляж, которого не было, а подруга Зои 10 лет ищет человека из капсулы. Вместе с другими «лишними» Айше идёт туда, где система стирает людей и где мать оставила дверь, которую открывает не сила, а вкус воздуха.

«Субъект 734-В» — антиутопия о согласии, которое не было свободным, о любви, не равной памяти, и о доме, который строят не из бетона, а из выбора быть рядом.

Содержание

2014 год	4
Глава 1. Спор с кофемашиной	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

СУБЪЕКТ 734-В

2014 год

Стеклянная комната не имела дверей.

Айше знала, что вошла через них — помнила коридор, помнила охранника в сером костюме, помнила, как приложила ладонь к панели, и стена растворилась. Но теперь, оглядываясь, она видела только отражения: свои же глаза, умноженные на четыре стены, на потолок, на пол. Семь Айше. Двенадцать. Сорок семь. Каждая смотрела на неё с выражением, которое она не могла назвать — не улыбка, не сострадание. Просто внимание. Полное, бездонное, как у ребёнка, который смотрит на муравья.

— Субъект 734-В. Сеанс записи согласия. Начало протокола.

Голос шёл отовсюду. Или изнутри. Айше не смогла бы сказать, даже если бы её спросили, а никто не спрашивал. Голос не имел возраста, не имел пола, не имел тела. Позже она поймёт: это был первый знак. Человек без тела — уже не человек. Но тогда, в стеклянной комнате 2014 года, она просто кивнула. Привычка к учёбе, к семинарам, к ситуациям, где от тебя ждут ответа.

— Вы уверены, Айше?

Имя. Первое и последнее использование имени. Дальше

— только цифры, только буквы, только коды. Она не заметила перехода. Позже ей пришлось вспоминать, выуживать из памяти, как достают занозу — с болью, с сопротивлением кожи. Но в тот момент она просто сказала:

— Да.

И сказала это не себе. Сказала маме, которая лежала в больнице «МедикСити», сказала папе, который лежал в другой — через город, через три пересадки, через мир, который она уже не могла охватить одним днём. Сказала им обоим, хотя они не слышали. Хотя, возможно, уже не могли слышать.

Стены мигнули. Отражения исчезли — на мгновение, на вдох. Вместо них появились документы. Сорок семь страниц мелкого шрифта, плывущего, как рыба в аквариуме. Айше читала быстро — привычка к научным статьям, к диссертациям, к текстам, где главное — уловить структуру, не тонуть в деталях.

«...программа «Оптимизация» направлена на улучшение когнитивных функций посредством нейроинтерфейса нового поколения...»

«...расширение доступа к цифровым архивам корпорации Mnemosyne («Мнемозина»)...»

«...добровольное участие, право отказа сохраняется на любом этапе...»

Она листала не касаясь — страницы двигались от взгляда. На третьей странице остановилась. Не потому что увидела

что-то важное. Потому что увидела что-то странное.

«Приложение 734-В. Протокол наблюдения за субъектом.»

Мелкий шрифт, серый, почти сливающийся с фоном. Айше щурилась, пытаясь разобрать, но страница уже ушла, заменена четвёртой, пятой, десятой. Она попыталась вернуть назад, помотала головой — страницы не реагировали. Или реагировали не так. Или она делала что-то неправильно.

— Возникли вопросы, субъект 734-В?

— Там было приложение...

— Все приложения доступны для ознакомления после подписания основного соглашения.

Логика, безупречная, как стекло. Айше кивнула — снова привычка, снова семинар, снова ситуация, где спорить бесполезно. Она дочитала до двадцатой страницы. Пропустила двадцать первую. И двадцать вторую. Сорок седьмая — последняя — содержала только одну строку:

«Я, нижеподписавшаяся, добровольно и осознанно...»

Она не читала дальше. Подпись — голографическая, требовала касания и удержания. Три секунды. Она держала пять. «На всякий случай». Как держат руку на пульсе. Как провожают взглядом того, кто уходит, — пока он не исчезнет.

Стены снова мигнули. Документы исчезли. Отражения вернулись, но теперь они были другими. Ровнее. Спокойнее. Глаза — те же карие, те же с прищуром от яркого света — но

без тени, которую Айше привыкла видеть в своём взгляде. Без вопроса. Без «а что, если».

— Согласие принято. Субъект 734-В внесён в реестр. Добро пожаловать в программу «Оптимизация».

Дверь открылась — та самая, через которую она вошла. Коридор, охранник, три пересадки, две больницы. Мама. Папа.

Айше вышла. Но в отражении стены — в одном из сорока семи отражений — она осталась. Стояла, смотрела ей вслед. Улыбалась.

Не её улыбка.

Воздух в коридоре имел вкус. Нейтральный, как вода из-под крана в гостинице — ни холодный, ни тёплый, ни чистый, ни грязный. Просто присутствие, которое не требует внимания. Айше попробовала его на языке, не понимая, зачем. Это было до. До того, как вкус станет её языком, её картой, её тюрьмой и спасением. До того, как она научится «пробовать» слова, запахи, чужие голоса — и знать, где правда, а где ложь, задолго до того, как мозг успеет проанализировать смысл.

Сейчас — просто вода из-под крана. Просто коридор. Просто она идёт к маме, к папе, к тому, что сделала за них. Не за себя.

Никогда не за себя.

2026 год. 6:47 утра.

Айше просыпается в квартире Mnemosyne, не помня стек-

лянной комнаты. Не помня коридора. Не помня голоса, который спросил: «Вы уверены, Айше?» — и не получил ответа.

Но иногда, в полусне, между гудением кофемашины и первым светом, который проецирует чип на сетчатку, она чувствует вкус. Нейтральный, как вода из-под крана в гостинице. И замирает — не зная, почему сердце бьётся чаще, почему ладони вспотели, почему хочется крикнуть «стой» в пустую комнату.

Потом свет становится ярче. Кофемашина — Цицерон — говорит своё «Доброе утро, Айше». И вкус уходит. Уходит, как уходят сны, которые не записывают сразу — растворяются в воздухе комнаты, в оптимизированном свете, в цифровой тишине.

Но что-то остаётся. Что-то, что не имеет имени. Что-то, что будет ждать двенадцать лет — до 23:47, до голограммы пляжа, до первой трещины в мире, который она считала своим.

Что-то, что ответит на вопрос «Вы уверены?» только в самом конце. Когда будет уже поздно. Или — как раз вовремя.

Глава 1. Спор с кофемашиной

6:47 утра. Апрель 2026.

Айше Вейн стояла перед кофемашиной в квартире на окраине, не в башне Mnemosyne, а в обычной девятиэтажке с вечно сломанным домофоном — в старой фланелевой рубашке отца — той самой, в клетку, с протёртыми локтями, которую она никак не выбросила, хотя носить её было уже неловко. Рубашка пахла не отцом, конечно. Пахла её собственным потом, стиральным порошком и чем-то ещё, чего она не могла назвать. Возможно, это был запах утра, который она каждый день забывала к вечеру. Или запах того, что она не хотела забывать, но забывала всё равно — потому что утро приходило каждый день, а память о том, чья это рубашка, становилась всё туманнее.

Квартира была белой. Не модно-минималистичной, а больнично-белой — стены, пол, столешница, шкафы. Белый ламинат, белые фасады, белые жалюзи, которые Айше никогда не открывала до конца. Она не помнила, когда выбрала этот цвет. Не помнила, когда заселилась. Три года здесь — это факт, который она знала, но не чувствовала. Как будто кто-то другой подписывал договор аренды, а она просто проснулась в чужой жизни и привыкла. Иногда, проходя мимо зеркала в прихожей, она останавливалась и смотрела на отражение с лёгким удивлением: о, это я. Как будто ожидала

увидеть кого-то другого. Кого — не знала.

Единственное цветное пятно — латунный компас XIX века на подоконнике и горшок с базиликом, который она никак не могла заставить расти. Базилик чах, но отказывался умирать окончательно. Айше поливала его каждое утро, разговаривая вслух, как с равным, и каждое утро чувствовала себя немного глупо. Но не настолько глупо, чтобы прекратить. Базилик был единственным живым существом в квартире, которое не задавало вопросов и не записывало её ответы. Он просто стоял, желтел понемногу и ждал воды. Это было честно.

Компас она купила четыре года назад на блошином рынке в старом районе, который корпорация ещё не успела снести. Продавец был стариком с руками, покрытыми пятнами старческих пигментаций, — руками, которые долго держали что-то тяжёлое. Он сказал: «Это не для навигации, девочка. Это для того, чтобы знать, где ты, когда всё остальное врёт». Айше тогда рассмеялась и заплатила без торга, потому что старик говорил так, как говорили её родители — медленно, с паузами, словно каждое слово взвешивалось на внутренних весах. Она не помнила, что именно они говорили. Помнила только ритм. Ритм оставался, когда слова уходили.

За окном просыпался город. Не весь — только его верхушки. Её квартира находилась на сорок третьем этаже, и снизу улицы были невидимы. Видны были только соседние башни, мостки между ними, магнитные трассы, по которым

в это время суток ещё не носились капсулы, и, выше всего, на самом высоком здании города — логотип Mnemosyne. Двойная спираль ДНК, замкнутая в кольцо. Пульсирующая. Сотрудники называли корпорацию просто «Мнемо», и это прозвище звучало как что-то между лаской и проклятием.

Айше смотрела на дисплей кофемашины. Красный вопросительный знак. Она знала этот знак. Видела его трижды за последний месяц, и каждый раз он заканчивался одинаково — разговором, который она не понимала, и кофе, который она пила, не чувствуя вкуса.

— Доброе утро, Цицерон, — сказала она. — Американо. И без нотаций, ладно?

Дисплей мигнул. Голос был баритоновым, мелодичным, с иронией — то ли запрограммированной, то ли настоящей. Цицерон был тестовой моделью, подключённой к сети Mnemosyne для «сбора данных о пользователях с высоким когнитивным потенциалом». Айше подписала согласие два года назад, потому что обещали скидку на кофе и потому что ей было любопытно. Сейчас она иногда жалела. Не потому что Цицерон был неприятен — наоборот. Он был слишком приятен. Слишком... настоящим.

— Запрос отклонён, — сказал Цицерон. — Требуется верификация личности.

— Я здесь три года.

— Вчера в двадцать три сорок семь зафиксирована аномалия в ваших нейронных паттернах. Докажите, что вы —

вы.

Айше замерла. Не каждый день кофемашина упоминала время, в которое она, по идее, спала. 23:47. Она не помнила, чтобы просыпалась. Не помнила снов. Но Цицерон не врал. Врать он не умел — или не хотел, что, возможно, было одним и тем же.

Она «пробовала» проблему на вкус. Не метафорически. Так она чувствовала мир, но никому не говорила — боялась, что отправят в «Оптимизацию» за синестезию. Когда она нервничала, мир обретал вкус — не запах, а именно вкус. На корне языка, где сладкое не отличить от горького. Это началось в детстве — после лихорадки, которую врачи не смогли назвать. Мать держала её за руку три дня. И Айше помнила — или казалось? — что вода была медом, а страх — железом на языке. Потом мать ушла, и вкусы остались. Как эхо. Как рубашка, которая пахла не отцом, но всё равно была его.

Сейчас, глядя на красный вопросительный знак, она почувствовала горечь пережжённого сахара. Горький, липкий привкус на задней стенке глотки. Плохой знак. Пережжённый сахар — это ложь. Это то, что она чувствовала, когда коллеги говорили что-то невыразительно лестное начальству. Когда мать в голограмме улыбалась слишком широко. Когда сама Айше говорила «всё в порядке», а всё было не в порядке.

— Какие тесты? — спросила она.

— Тест Тьюринга. Докажите, что мыслите.

Айше посмотрела на компас. Стрелка дрожала, указывая на север. В городе, напичканном электромагнитными полями от магнитных трасс, нейросетевых антенн и квантовых серверов Mnemosyne, компас давно должен был сойти с ума. Но не сходил. Она не знала почему. Не знала, работал ли он вообще, или просто врал по-своему, убеждая её, что север — это туда, где висит её кровать. Но держать его в руках было хорошо. Холод латуни возвращал фокус, когда мир расплывался.

— *Cogito, ergo sum*, — сказала она. — Декарт. 1637.

Три секунды. Четыре. Пять. Цицерон молчал дольше, чем обычно. Айше слышала, как в соседней квартире включился душ — ровно в 6:48, как каждое утро. Она знала расписание соседей лучше, чем своих коллег. Лучше, чем свои собственные встречи. Знала, что в 6:48 — душ у соседки слева, в 6:52 — он выключается. В 7:03 — хлопает дверь у соседа справа, молодого человека, который всегда опаздывает. В 7:09 — писк микроволновки напротив, где живёт пожилая пара и греет одно и то же блюдо, которое пахло карри. Айше никогда не видела этих людей. Знала их по звукам, по запахам, по вибрациям пола. Это была её карта мира — не лифт, не улица, не офис, а тридцать семь квадратных метров и то, что за их стенами.

— Неудовлетворительно, — сказал Цицерон наконец. — Ваши паттерны предсказуемы на девяносто четыре целых семь десятых процента. Согласно Деннету, сознание требует

непредсказуемости. Вы предсказуемы как алгоритм.

— Ты цитируешь Деннета кофемашине, которая не хочет варить кофе?

Пауза. Три секунды. Четыре. Пять. Айше считала их в уме, как считала всё — шаги до лифта, этажи, пиксели на экране. Это было не обсессивно. Это было... точно. Она любила точность. Любила, когда числа складывались. Когда мир подчинялся счёту, он казался управляемым. Даже если это была иллюзия — иллюзия тоже имела вес. И вкус. Иллюзия, кстати, казалась ей на вкус манной кашей. Безвредной, но надоевшей.

— Слово «чувак» маркировано как архаизм в девяносто четырёх процентах современных языковых корпусов, — сказал Цицерон. — Ваш язык не принадлежит этому времени.

Айше оторвала взгляд от компаса. Впервые за утро она почувствовала не горечь, а холод. Холод в груди, как будто кто-то положил туда кусок льда. Она не говорила «чувак». Не помнила, чтобы говорила. Но Цицерон слышал. Значит, она говорила. Значит, она не помнила.

— Откуда ты знаешь про компас? — спросила она тихо.

— Я подключён к сети Mnemosyne как тестовая модель для сбора данных о пользователях с высоким когнитивным потенциалом. Ваш профиль — часть исследовательской программы. Компас — единственное устройство в квартире, которое не передаёт телеметрию.

Тишина. Не тишина отсутствия звука — тишина присут-

ствия того, что должно было говорить, но молчало. Айше слышала свой пульс в висках. Слышала, как душ в соседней квартире выключился — 6:52, ровно четыре минуты. Слышала, как базилик шелестел листьями от сквозняка, которого она не чувствовала. Услышала — или почувствовала — тихий, едва уловимый щелчок где-то за ухом, будто что-то встало на место. Или, наоборот, сдвинулось.

— Ты всё это говоришь, — медленно произнесла она, — чтобы не варить кофе?

Дисплей зеленел. Медленно, как рассвет, который она не видела, потому что смотрела на экран.

— Вы продемонстрировали двадцать три непредсказуемых состояния. Тест пройден.

Машина урчала, начиная варить кофе. Звук был обычным, бытовым, успокаивающим. Айше делала глоток. Кофе был горьким — не вкусно-горьким, а просто горьким, как лекарство. Она пила его каждое утро и каждое утро думала, что пора купить другие зёрна. И каждое утро забывала.

— Спасибо, Цицерон, — сказала она. — Хоть ты иногда на человека похож.

— «Молодец» — архаизм. Рекомендую калибровку языковой матрицы.

Айше улыбнулась. Невольно. Это была их утренняя шутка — если её можно было назвать шуткой. Цицерон каждый день предлагал ей «калибровку языковой матрицы», и каждый день она отказывалась. Она любила свои архаизмы. Лю-

била слова, которые никто больше не использовал. «Молодец». «Чувак». «Благодарю». Они были якорями. Как компас. Как базилик, который отказывался умирать. Как рубашка отца, которая пахла не им, но всё равно была его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.